

УДК 821.161.1

**ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТАИНСТВА ИСПОВЕДИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Леонов И.С.

В статье на материале современной приходской прозы раскрывается нравственно-этический, мировоззренческий и богослужебно-обрядовый комплекс мотивов, среди которых особую роль играет мотив исповеди.

Ключевые слова: современная духовная проза, приходская проза, протоиерей Александр Шантаев, мотив исповеди.

**SACRAMENTAL PECULIARITIES OF THE CONFESSION
IN THE MODERN ORTHODOX LITERATURE**

Leonov I.S.

On the material of the modern parish prose the article describes the moral and ethical, philosophical, liturgical and ceremonial complex of motives where the motive of confession plays a special role.

Keywords: modern spiritual prose, parish prose, archpriest Alexander Shantaev, the motive of a confession.

Русская классическая литература во многом базируется на традиционных христианских ценностях, обращается к нравственно-этическому, мировоззренческому и богослужебно-обрядовому комплексу русского Православия. Персонажная система многих произведений включает образы священников и монахов, которые выполняют положенные им действия: совершают богослужения, проповедуют, принимают исповедь, напутствуют умирающих.

Особую роль в отечественной литературе занимают исповедальные мотивы, связанные с одним из важнейших церковных таинств – таинством Покаяния. В русской ортодоксальной традиции оно неразрывно связано с

другим важнейшим таинством – Евхаристии (Причащением) – и служит для человека своеобразным подготовительным этапом перед ним.

В литературе XIX века мотив исповеди встречается в произведениях М.Ю. Лермонтова «Мцыри», Ф.М. Достоевского «Бесы», Л.Н. Толстого «Юность» и т.д. В данном контексте речь идет о суженном, церковно-обрядовом понимании таинства как встречи исповедующегося и исповедника (священнослужителя) с целью принесения первым покаяния и получения разрешения от грехов. В более широком значении исповедь может пониматься как откровенный разговор, попытка одного персонажа поделиться мыслями и переживаниями с другим (разговор Ивана Карамазова с Алешей) или автора с читателями («Исповедь» Л.Н. Толстого).

В настоящее время в российском обществе возрастает интерес к религиозной проблематике в единстве этико-философских, мировоззренческих и институционально-иерархических аспектов. В литературе последних десятилетий наблюдается формирование нового явления, которое можно обозначить рабочим термином «православная (или духовная) художественная проза». Ее авторами являются священнослужители и воцерковленные миряне, а идейно-тематической доминантой – вера и поиск Бога современным человеком.

Одной из разновидностей православной литературы сегодня становится приходская проза, изображающая жизнь сельского прихода современной России. По мысли православного священника, писателя и этнографа протоиерея Александра Шантаева «церковный приход по своей оси представляет участие верных в совершении главнейшего и первейшего христианского Таинства – Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры» [2, с. 11]. Изображая приходскую жизнь, писатели-священники особое внимание уделяют богослужебной практике, исполнению треб, общению с прихожанами и односельчанами, хозяйственным заботам, церковному быту.

Особое место в приходской прозе отводится изображению таинства исповеди, которое может совершаться в трех пространственно-ситуационных системах:

- исповедь на дому в процессе напутствия умирающего;
- исповедь в храме постоянного прихожанина;
- первая исповедь (может совершаться как в церковном, так и в домашнем пространстве).

Расположение данных систем соответствует принципу *от наиболее частотному к наименее частотному*. Это связано с общей духовно-религиозной ситуацией в современном русском селе, для жителей которого в большинстве случаев вера и церковь становятся актуальными на последнем этапе жизненного пути. Ситуация регулярной исповеди становится типичной для небольшой группы прихожан, старающихся следовать традиции. Первая исповедь – явление крайне редкое для сельского прихода, что связано с рядом социальных и культурно-исторических реалий: переезд молодого поколения сельчан в города на заработки, влияние стереотипов еще советской действительности.

Особый акцент на изображении человека в момент последней исповеди делает протоиерей Александр Шантаев в сборнике рассказов «Асина память», основанном на многолетнем опыте пастырского служения автора в российской глубинке. Мотивы, связанные с таинством покаяния отражаются в его рассказах «В праздник», «На дому», «Сглаз», «Сирота», «При смерти», «Умирающая», «Визит к колдунье».

Изображение исповеди в произведениях приходской литературы может быть выстроено на основе полного или частичного чередования следующих этапов:

- путь священника к исповедуемому, мысли и чувства, которые охватывают его в этот момент (в случае, если исповедь происходит на дому);
- изображение портрета исповедуемого, окружающих его лиц, интерьера;
- подготовительные молитвы;

– монолог кающегося / диалог со священником (часть беседы может предварять исповедь);

– чтение разрешительных молитв, после исповеди

– размышления, чувства священника после исповеди, возможный разговор с напутствуемым за рамками таинства.

Монолог кающегося или диалог его со священником – центральная часть исповеди. Именно от глубины покаянных чувств, искренности раскаяния, личностного участия исповедуемого в деле собственного нравственного очищения, по мнению автора, зависит исход исповеди, соединение и примирение человека с Богом, открывающее для него путь к вечности. В этом смысле крайне важной представляется роль священнослужителя: «В беседах у ложа умирающих людей, предваряющих исповедь, непременно приходится говорить о загробной участи, Суде Божьем, искать совместной оценки прожитой жизни, предупреждать возможные страх и отчаяние» [2, с. 73-74]. Опытный священник пытается выделить основные акценты в речи исповедуемых. Здесь обнаруживаются мотивы самоукорения, страха, сомнения в благополучной посмертной участи, частичного самооправдания («всю жизнь трудилась, никому зла не делала, жила как все...» [2, с. 74]), усталости от жизни. Изредка отмечается отказ от исповеди убежденного атеиста или бравада.

Монолог кающегося включает в себя как элементы индивидуальных переживаний, свидетельствующие о напряженности внутренней жизни, так и общепринятые (особенно в сельской среде) ритуальные формулы, идущие от народного восприятия веры, своеобразной традиции: «Во всем грешна...» «Грешна словом, делом, помышлением...» и т.д.

Классифицировать представленные в приходской литературе исповедальные модели можно по принципу сочетания ритуальных формул и искреннего, субъективного покаяния. При доминировании или полном вытеснении покаянного чувства словесной ритуалистикой исповедь может

носить формальный характер, возникает мотив нереализованности таинства или отказа от его совершения.

В этой связи можно выделить три исповедальные модели, отраженные в современной приходской прозе.

1. *Совершённая исповедь*. В данном случае речь идет о глубоком очищении человека, сближении его с Богом. Произошедшие изменения в духовном мире человека отражаются во внешнем облике персонажа. Обращает на себя внимание его внутренняя сосредоточенность, устремление взгляда к иконам, чтение молитв. Подобная модель обнаруживается в рассказе протоиерея Александра Шантаева «В праздник»: «После ухода священника Татьяна долго стояла у икон, шепча вперемешку обрывки молитв, которые помнила, много и часто осеняя себя крестным знаменем» [1, с. 92]. Здесь же автор передает чувства и воспоминания персонажа, обращается к его внутреннему миру: «В памяти всплывали бесконечно яркие и счастливые образы времен ее давнишней юности – синее ночное поле, кони, запряженные в сани, пахнущее сухим цветом сено, разбросанное на церковном полу...» [1, с. 92-93]. Еще одно свидетельство совершенного таинства – включение в текст мотива видения. Так в рассказе «При смерти» умирающая женщина на вопрос священника «Видишь ли ты свое спасение?» дает следующий ответ: «Светает, вижу...» [1, с. 165].

2. *Частично совершённая или формальная исповедь*. Данная модель возникает в том случае, если внешняя сторона таинства соблюдается, однако со стороны исповедуемого не проявляется чувства покаяния и стремления к очищению и соединению с Создателем. Подобная ситуация возникает либо в условиях отсутствия должной подготовки к таинству, либо в случае подмены искреннего покаяния устойчивыми ритуальными формулами.

Этот пример можно найти в рассказе протоиерея Александра Шантаева «На дому», в котором исповедующаяся старуха на вопрос священника о грехах отвечает: «Да не в чем, батюшка, в чем же я *грязина* (? Не блудила, ничего не делала, живу одна. Нет у меня грехов...» [1, с. 138] (курсив и орфография

автора – И.Л.). Однако услышав, что без покаяния нет возможности причащаться, пожилая женщина говорит уже обратное: «Гряшна, гряшна, во всем гряшна...» [1, с. 138]. В этом же произведении следует отметить мотивы *глухоты, слепоты, окостенелости, мертвенности*, что может быть интерпретировано не только в физиологическом, но и в духовно-метафизическом контексте. В первую очередь это проявляется на уровне портрета: «Уже заметно окостеневшая, неуверенно передвигающая ногами, подслеповатая. Я принялся кричать ей в ухо, в ответ же: – Не слышу ничего, мой хороший...» [1, с. 137].

Глухота исповедуемой и вынужденная громкость речи священника делает таинство гласным и публичным. В нем принимают участие ожидающие своей очереди старухи, выступающие в роли «переводчиков» или комментаторов услышанного: «Когда я отпустил ее, бабки зашущукались: – А в том, что дрова воровала, так и не покажалась!» [1, с. 138].

В рассказе «Сглаз» автор открыто сравнивает исповедь на дому с колхозным собранием, отмечая своеобразный характер мотивировки исповедуемых старух: «... священник для них – лицо, которое может и должно защитить «от колдовства», «от сглазу», «от соседки-ехидны» [1, с. 141].

В данные условиях таинство покаяния теряет свое сакральное содержание, превращается лишь в набор обрядовых действий, обладающих в народном сознании самодостаточностью и не связанных напрямую с духовно-нравственным состоянием человека и его подготовкой к вечности.

3. *Несовершённая исповедь*. Данная модель возникает в ситуации, если священник или исповедуемый категорически отказывается от участия в таинстве по причинам принципиального несогласия друг с другом как с носителями противоположных духовных установок. Случай отказа исповедуемого от таинства из-за атеистических убеждений (священник был приглашен верующей женой) выливается в состояние близкое браваде и мотивируется автором как обратная сторона страха перед неизведанным: «Не надо мне этого, все равно на том свете с чертями плясать буду...» [1, с. 75].

Подобная ситуация возникает и в рассказе «Визит к колдунье»: таинство не может быть совершено по причине отсутствия покаяния и враждебного отношения к церкви со стороны сельской знахарки: «Всем своим видом она давала понять, что ни в чем исповедоваться не желает, поэтому я попросился и ушел. Похоже, и она провожала или, скорее, выпроваживала нас с облегчением [1, с. 208].

Таким образом, в статье рассмотрены особенности мотива исповеди в современной отечественной приходской прозе.

Список литературы:

1. Шантаев А., прот. Асина память. – М.: Издательский дом «Никея», 2015. – 250 с.
2. Шантаев А., иерей. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. – М.: Благо, 2004. – 239 с.

Сведения об авторе:

Леонов Иван Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия).

Data about the author:

Leonov Ivan Sergeyevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia).

E-mail: mamif.lis@rambler.ru.